Д.Б. Лантеев

ПРИНУДИТЕЛЬНЫЕ МЕРЫ ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Анализируется содержание мер воспитательного воздействия. Аргументируется необходимость исключения предупреждения из перечня принудительных мер. Обосновывается законодательное решение не назначать уголовное наказание несовершеннолетним, совершившим преступления небольшой или средней тяжести. Предлагается исключить помещение несовершеннолетних, совершивших преступления средней тяжести, в учебно-воспитательное учреждение закрытого типа.

Ключевые слова: ювенальная юстиция; освобождение от уголовной ответственности; принудительные меры воспитательного воздействия; предупреждение; передача под надзор родителей.

Принудительные меры воспитательного воздействия применяются к лицам, не достигшим возраста 18 лет, если характер и степень общественной опасности содеянного и данные о личности виновного позволяют правоприменителю принять такое решение.

Несмотря на тот факт, что преступность несовершеннолетних составляет всего около 4% в структуре зарегистрированной преступности в России [1], формирование современной модели правосудия в этой сфере представляет повышенную актуальность.

Во-первых, действовавшая в 2012–2017 гг. Национальная стратегия действий в интересах детей [2] одной из задач имела приведение в соответствие с международными стандартами уголовно-правовых и уголовно-процессуальных особенностей применения уголовной ответственности к несовершеннолетним. И эта задача решена не была: до настоящего времени новых правил в этой сфере не разработано; более того, нормы раздела V УК РФ корректировались в этот период лишь однажды (Федеральным законом от 2 июля 2013 г. № 185-ФЗ), а внесенные изменения носили во многом технический характер (например, в ст. 91 слова «образовательное учреждение» были заменены словами «образовательная организация»). Положения гл. 50 УПК РФ, устанавливающие порядок производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних, были незначительно изменены в 2013 и 2018 гг.

Во-вторых, Федеральным законом «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» [3] подростки, привлекавшиеся к уголовной ответственности, относятся к категориям лиц, в отношении которых предусмотрена индивидуальная профилактика. В том числе она должна вестись и в отношении лиц, к которым применены принудительные меры воспитательного воздействия, и в отношении осужденных к наказаниям, не связанным с изоляцией от общества, и в отношении отбывших наказание в виде лишения свободы. Однако дифференцированный подход ко всем перечисленным группам подростков-правонарушителей в нормах закона отсутствует.

Из этого можно заключить, что нормативная база по-прежнему не в полном объеме соответствует международным стандартам осуществления правосудия в

отношении несовершеннолетних правонарушителей. А с учетом того, что в правовой доктрине в современный период получили одобрение подходы, связанные с расширением элементов медиации по уголовным делам о преступлениях, совершенных несовершеннолетними [4. С. 258–261; 5. С. 168–185; 6. С. 17–21], принудительные меры воспитательного воздействия требуют серьезного анализа.

Содержание принудительных мер воспитательного воздействия может быть охарактеризовано следующим образом.

Предупреждение как разъяснение сущности вреда, причиненного в результате совершения преступлений, и последствия повторного нарушения уголовного закона следует признать в современных условиях недостаточно актуальным. Бесспорно, что по своей форме оно является индивидуальной пропагандой законопослушного поведения [7. С. 554–562], и отчасти именно в этом и состоит его воспитательный характер. Однако ч. 1 ст. 91 УК РФ не регламентирует конкретной формы предупреждения, а ст. 432 УПК РФ не дает ответа на вопрос о том, какие негативные последствия для несовершеннолетнего могут наступить, если надлежащих выводов из объявленного предупреждения он не сделал, но нового преступления еще не совершил (например, неоднократно после прекращения уголовного дела задерживался в состоянии наркотического опьянения, но наркотических средств, по объему достаточных для привлечения к уголовной ответственности по ч. 1 ст. 228 УК РФ, при себе не имел). Может ли в данном случае возобновляться производство по уголовному делу, прекращенному в связи с применением (объявлением) предупреждения? Как представляется, ответ на данный вопрос может быть только отрицательным. Аналогично можно отметить, что никаких дополнительных обязанностей мера в виде предупреждения не предусматривает, что ставит под сомнение ее воспитательный характер, который для данной группы мер справедливо признается доминирующим [8. С. 84]. Одновременно можно упомянуть и о том, что элементы принуждения в структуре этой меры также сомнительны.

В этой связи возникает вопрос, в каком конкретно случае она может быть применена на практике. По изученным уголовным делам о преступлениях несовершеннолетних нами таких случаев не выявлено.

В идеале, если общественно опасные последствия совершения противоправного деяния могут быть восполнены (компенсированы) вынесением предупреждения (по сути своей, устного взыскания), не будет ли более правильной постановка вопроса о признании деяния малозначительным? В связи с изложенным, и поскольку эффективность применения предупреждения является достаточно спорной, представляется необходимым исключить его из перечня принудительных мер воспитательного воздействия. Дополнительно в данном случае следует упомянуть и о том, что праворазъяснительная функция реализуется при производстве по уголовному делу в отношении несовершеннолетнего следователем, дознавателем, прокурором и судом, а вопрос о компенсации вреда, причиненного преступлением, решен в содержании другой принудительной меры воспитательного воздействия.

Эта мера называется возложением обязанности загладить причиненный вред (ч. 3 ст. 91 УК РФ). Как и предупреждение, она не связывается с исчислением определенного срока. Закон предполагает, что при ее применении необходимо учитывать имущественное положение несовершеннолетнего и наличие у него трудовых навыков. Представляется, в данном случае нормативный подход к определению содержания этой меры весьма архаичен и требует дальнейшей регламентации, как это, к примеру, изложено в одном из постановлений Пленума Верховного Суда РФ, где сформулированы критерии заглаживания вреда (компенсация морального вреда, оказание помощи потерпевшему, принесение ему извинений, а также принятие иных мер, направленных на восстановление нарушенных прав потерпевшего, законных интересов личности, общества и государства) [9].

Результаты изучения материалов судебной практики дают основания полагать, что несовершеннолетние привлекаются к работам по восстановлению поврежденного имущества потерпевшего (35% изученных нами уголовных дел, по которым итоговое решение было связано с применением принудительных мер воспитательного воздействия), обязываются принести извинения (отметим, что в 100% дел, по которым несовершеннолетний подсудимый полностью или частично признавал вину в совершении преступления, извинения приносились добровольно в последнем слове подсудимого, что отражалось в протоколе судебного заседания), а также с них взыскивается стоимость нанесенного ущерба и компенсация морального вреда (надо отметить и то, что невозмещенный ущерб суды взыскивают и при назначении наказания либо при применении условного осуждения). В последнем случае не имеет значения, будет ли производиться выплата потерпевшему из личных средств несовершеннолетнего, или же из средств его родителей.

К сожалению, эффективность возложения обязанности загладить причиненный вред весьма эфемерна. В тех случаях, когда речь идет о возмещении его стоимости из средств самого несовершеннолетнего, налицо принудительный элемент (субъект утрачивает материальные блага), но в тех, когда компенсация выплачивается его родителями, он достаточно усло-

вен (риск утраты блага, которое могло быть потенциально приобретено, сохраняется, но только вероятно, а не неизбежно). Если же исполнение обязанности заключается в личном оказании помощи потерпевшему (ремонт испорченного имущества и т.д.), возникает определенный «конфликт взаимосвязей», заключающийся в том, что, во-первых, не каждый подросток владеет необходимыми навыками, а во-вторых, не каждый потерпевший готов принять такое удовлетворение. Единичные примеры в целом подтверждают благоприятное воздействие такой меры на формирование мировоззрения подростка и отказа от криминально ориентированного образа жизни [10. С. 27–31]. Однако говорить о высокой степени вероятности реализации данной меры на практике и получения от нее эффекта представляется преждевременным.

Далее, переходя к принудительным мерам в виде передачи под надзор родителей или лиц, их заменяющих, и в виде ограничения досуга и установления особых требований к поведению несовершеннолетнего, считаем их регламентацию в уголовном законодательстве достаточно корректной. Они обеспечены сроком применения, дифференцированным в зависимости от характера и степени общественной опасности совершенного подростками преступления. В то же время отсутствие четко сформулированных в законе видов и пределов надзора и контроля не позволяет адекватно решать вопрос о применении этих мер к несовершеннолетним, выросшим в маргинализированных семьях. В целом на отсутствие алгоритма правоприменительной деятельности в этой сфере ученые уже обращали внимание [11. С. 13], но законодательного решения данная проблема так и не получила. При этом, например, передача под надзор подразумевает возложение обязанности не на самого несовершеннолетнего, а на третьих лиц, а из смысла ст. 432 УПК РФ следует, что при неисполнении принудительной меры воспитательного воздействия несовершеннолетним для последнего могут наступить негативные последствия, сопряженные с возобновлением производства по уголовному делу.

Соответственно, возникает коллизия, когда, например, родители подростка не исполняют обязанности по осуществлению за ним надзора, и он ведет антиобщественный образ жизни (убегает из дома, бродяжничает). Родители, очевидно, совершают ошибку воспитательного характера, ставят ребенка в социально опасное состояние. Но насколько эта ошибка будет компенсирована возобновлением производства по уголовному делу, назначением наказания, судимостью? И будет ли в таком случае достигнута цель ресоциализации несовершеннолетнего?

Данные вопросы носят риторический характер, но сам факт их постановки заставляет усомниться в надежности существующего уголовно-правового инструментария в виде принудительных мер воспитательного воздействия.

Полагаем, что фактически наиболее адекватной существующей криминальной ситуации является только одна из принудительных мер воспитательного воздействия, а именно ограничение досуга и установление особых требований к поведению несовершенно-

нолетнего. Она не только находит применение на практике в течение длительного времени (в отличие, например, от предупреждения или возложения обязанности загладить причиненный вред) [12. С. 245–253], но и обладает следующими позитивными корректирующими чертами.

Во-первых, ее можно признать «технически исполнимой» (иными словами, с помощью современных средств дистанционного контроля становится реальным отследить местонахождение несовершеннолетнего в ночное время, выявить факт посещения им запрещенного места, факт самовольного выезда за пределы местности, где он проживает). Во-вторых, именно в данном случае в полном объеме проявляются принуждение (как воздействие, осуществляемое помимо воли субъекта) и элементы воспитания (при осознании субъектом связи воздействия с собственным поведением). В-третьих, изоляция несовершеннолетнего от форм бесконтрольного досуга имеет превентивный эффект, физически исключая возможность совершения конкретных противоправных действий (хулиганства, вандализма, приобретения наркотических средств и пр.).

Исходя из изложенного, именно данная мера имеет максимально высокий потенциал в перечне принудительных мер воспитательного воздействия. В этой связи укажем, что некоторые авторы негативно относятся к установлению ограничения досуга, полагая, что данная мера тождественна ограничению свободы или условному осуждению [13. С. 127–132]. На наш взгляд, юридическая коллизия здесь отсутствует: действительно, правила, подобные установленным ч. 4 ст. 91 УК РФ, присутствуют и в ст. 53 УК РФ (ограничение свободы), и в ст. 73 УК РФ (условное осуждение). Однако дискреционные полномочия законодателя позволяют использовать аналогичные средства в структуре различающихся по своей природе правовых регуляторов. При этом может варьироваться их объем, интенсивность, перечень субъектов, в отношении которых они применяются.

Кроме того, различные варианты ограничения возможности самостоятельно распоряжаться своим свободным временем предусмотрены не только уголовным, но и, например, административным правом (в частности, уже более пяти лет действует ст. 3.14 Кодекса РФ об административных правонарушениях, устанавливающая в качестве административного наказания административный запрет на посещение мест проведения официальных спортивных соревнований в дни их проведения).

Соответственно, ограничение досуга и установление особых требований к поведению несовершеннолетнего, даже при использовании других мер уголовно-правового или административно-правового воздействия, не утрачивает принудительный, воспитательный и превентивный компоненты воздействия на поведение и формирование личности подростка.

Исключительное положение среди принудительных мер воспитательного воздействия занимает помещение несовершеннолетнего в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа. Хотя некоторые правила его применения подвергаются

критике [14. С. 118–120], оно обеспечивает максимальное принуждение и может применяться достаточно длительный срок.

Так, в соответствии со ст. 92 УК РФ оно является и видом освобождения от наказания, и принудительной мерой воспитательного воздействия. Оно устанавливается на определенный срок, который может быть сокращен или продлен в судебном порядке. В период пребывания в учреждении поведение несовершеннолетнего корректируется, и по собственной воле покинуть его он не может. В возможности досрочно завершить пребывание в учреждении мы видим испытательный и воспитательный характер данной меры.

В целом данная мера включает нестрогую изоляцию от общества, поскольку в ст. 92 УК РФ оговорено, что несовершеннолетний помещается в учреждение закрытого типа. В то же время, в соответствии с ч. 4 ст. 15 Федерального закона «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» в такие учреждения могут помещаться и лица, не достигшие возраста уголовной ответственности, и субъекты с признаками возрастной невменяемости. Иными словами, законодатель полагает, что профилактика правонарушений несовершеннолетних может осуществляться в условиях нестрогой изоляции от общества. С учетом результатов, полученных другими исследователями, свидетельствующих о том, что свыше половины подростков, в отношении которых применены положения ст. 92 УК РФ, совершили тяжкие корыстные или корыстно-насильственные преступления [15. С. 93–97], это представляется разумным.

В то же время исключение несовершеннолетнего осужденного из обычных условий жизни влечет разрыв социальных связей и способствует формированию негативного отношения к социально одобряемым правилам поведения [16. С. 5]. Этот тезис представляется справедливым, равно как и выводы о необходимости насыщенного педагогического содержания воспитательного воздействия на несовершеннолетнего [17. С. 38–44]. В этой связи помещение несовершеннолетних, совершивших преступления средней тяжести, в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа представляется нецелесообразным. В том числе из-за того, что несовершеннолетний в таком случае пребывает в условиях изоляции от общества, тогда как наказание в виде лишения свободы назначается судами при аналогичных обстоятельствах крайне редко (в 2019 г., например, только 643 осужденным из 5 859 признанных виновными в совершении преступлений средней тяжести [18]). Иными словами, частичный отказ от применения к несовершеннолетним, совершившим преступления, не являющиеся тяжкими и особо тяжкими, уголовного наказания должен базироваться не только на правовой, но и на педагогической концепции, учитывающей приоритет наилучшего обеспечения интересов ребенка.

В итоге это способствует ресоциализации несовершеннолетнего и препятствует продолжению им преступной деятельности. При тех обстоятельствах, что ресоциализация несовершеннолетнего, т.е. при-

способление его к правилам человеческого общежития и формирование его личности сквозь призму правопослушания, является приоритетной целью коррекции преступного поведения подростков, для ее достижения, очевидно, недостаточно только уголовного наказания.

Пленум Верховного Суда РФ рекомендовал судам не назначать уголовное наказание несовершеннолетним, совершившим преступления небольшой или средней тяжести, если при рассмотрении уголовного дела суд придет к выводу о том, что их исправление может быть достигнуто путем применения принудительных мер воспитательного воздействия [19]. В то же время закон (ч. 1 ст. 90 УК РФ) не рассматривает эту норму как императивную. С учетом того обстоятельства, что в современный период в большом количестве регионов России уже накоплен опыт формирования дружественного к ребенку правосудия, отвечающего международным стандартам [20. С. 351–352], назрела необходимость более четкого закрепления этого правила.

Так, в ч. 1 ст. 90 УК РФ считаем верным заменить слова «может быть освобожден от уголовной ответственности» словами «подлежит освобождению от уголовной ответственности». Тем самым, во-первых, будет возможно разграничить случаи, когда целесообразно освобождение на общих основаниях (ст. 75–76 УК РФ), а когда – с применением принудительных мер воспитательного воздействия. Во-вторых, безусловным, т.е. осуществляемым по усмотрению суда, должно быть освобождение от наказания с помещением в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа, если несовершеннолетний признан виновным в совершении тяжкого преступления: в данном случае характер и степень общественной

опасности выше, а возможность освобождения от уголовной ответственности юридически отсутствует.

В силу того, что более 75% преступлений, совершаемых несовершеннолетними и при их соучастии, относится к категориям небольшой или средней тяжести [1], внесенное предложение представляется востребованным с точки зрения гуманизации уголовно-правовой политики. При том условии, что в современный период принудительные меры воспитательного воздействия применяются крайне ограниченно (например, в 2019 г. были осуждены 16 858 несовершеннолетних, и только 705 подвергнуты принудительным мерам воспитательного воздействия, а 291 освобождены от наказания с направлением в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа [18]), изменение этой практики должно происходить в сторону активного расширения.

Подводя итог, необходимо отметить, что дальнейшее развитие принудительных мер воспитательного воздействия в системе правовых инструментов, которые могут применяться к лицу, совершившему преступление в несовершеннолетнем возрасте, уместно осуществлять на основе принципа наилучшего обеспечения интересов ребенка, включенного в ст. 3 Конвенции о правах ребенка, являющейся частью российской правовой системы.

Педагогический потенциал принудительных мер воспитательного воздействия усилен положениями об индивидуальной профилактике преступного поведения, но только некоторые из регламентированных законом мер могут служить эффективными средствами формирования законопослушной личности (ограничение досуга и установление особых требований к поведению несовершеннолетнего, помещение в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа).

ЛИТЕРАТУРА

1. Состояние преступности в России // МВД России. URL: <https://xn--b1aew.xn--plai/folder/101762> (дата обращения: 04.02.2019).
2. Национальная стратегия действий в интересах детей на 2012–2017 годы : утв. указом Президента РФ от 01.06.2012 № 761 // Собрание законодательства РФ. 2012. № 23. Ст. 2994.
3. Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних : Федер. закон от 24.06.1999 № 120-ФЗ [принят Гос. Думой 21.05.1999] (по сост. на 27.06.2018) // КонсультантПлюс: СПС.
4. Мельникова Э.Б. Ювенальная юстиция. Проблемы уголовного права, уголовного процесса и криминологии. М. : Дело, 2001. 272 с.
5. Шестакова Л.А. Реализация концепции ювенальной юстиции в производстве по делам несовершеннолетних в Российской Федерации. М. : Юрлитинформ, 2016. 280 с.
6. Ювенальная юстиция в Российской Федерации: криминологические проблемы развития / отв. ред. Н.П. Мелешко. СПб. : Юридический центр Пресс, 2006. 787 с.
7. Трунцевский Ю.В. Понятие, содержание и виды мер уголовно-правового и административного воздействия // Административное и муниципальное право. 2015. № 6. С. 554–562.
8. Биктимеров Э.Л. Иные меры уголовно-правового характера и их роль в осуществлении задач уголовного права России : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2009. 206 с.
9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2016 № 56 «О внесении изменений в некоторые постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» // Российская газета. 2016. 7 декабря.
10. Бурлака С.А. Принудительные меры воспитательного воздействия в системе мер предупреждения преступлений несовершеннолетних // Вестник Белгородского юридического института МВД России. 2010. № 1. С. 27–31.
11. Ерофеева В.А. Присмотр за несовершеннолетним подозреваемым, обвиняемым в уголовном судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. 242 с.
12. Бахвалова Л.А. Актуальные проблемы эффективности системы мер уголовно-правового воздействия, применяемых в отношении несовершеннолетних // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2012. № 2. С. 245–253.
13. Благов Е.В. Об освобождении от уголовной ответственности несовершеннолетних с применением принудительных мер воспитательного воздействия // Юридическая наука. 2017. № 4. С. 127–132.
14. Терентьева В.А., Черненко Т.Г. Освобождение несовершеннолетних от уголовного наказания на основании ст. 92 УК РФ // Проблемы в российском законодательстве. 2017. № 2. С. 118–120.
15. Корягина С.А. Практика применения принудительных мер воспитательного воздействия (по материалам Иркутской области) // Криминологический журнал Байкальского национального университета экономики и права. 2014. № 1. С. 93–97.

16. Середин А.А. Принудительные меры воспитательного воздействия, применяемые к несовершеннолетним при освобождении от уголовной ответственности : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 203 с.
17. Беляева Л.И. Международные стандарты в области правосудия в отношении несовершеннолетних и ювенальная юстиция в России // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2008. № 4. С. 38–44.
18. Отчет об осужденных, совершивших преступления в несовершеннолетнем возрасте, за 12 месяцев 2019 года // Судебный департамент при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4572> (дата обращения: 05.07.2020).
19. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» // Российская газета. 2011. 11 февраля.
20. Рабец А.М. Ювенальное право Российской Федерации. М. : Юрайт, 2018. 362 с.

Статья представлена научной редакцией «Право» 13 июля 2020 г.

Coercive Measures of Educational Influence in the Current Development of Legislation in Juvenile Delinquency Prevention
Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 462, 232–237.

DOI: 10.17223/15617793/462/28

Dmitry B. Laptev, West Siberian Branch of the Russian State University of Justice (Tomsk, Russian Federation). E-mail: Lapa612@mail.ru

Keywords: juvenile justice; exemption from criminal liability; coercive measures of educational influence; prevention; transfer to parental surveillance.

The article examines the effectiveness of existing criminal legal instruments of educational influence on minors. On the basis of the analysis of strategic planning documents affecting children, changes in criminal and other federal legislation on the basis of the system for the prevention of juvenile neglect and delinquency, it is concluded that the task of bringing the legislation in question in line with international standards has not yet been solved. Criminal legislation in this area is not impeccable and needs to be finalized. Judicial statistics show a low demand for warning as an educational measure. At the same time, criminal legislation does not regulate a specific form of warning and does not answer the question of what negative consequences for a minor may occur if they have not made appropriate conclusions from the declared warning, but have not yet committed a new crime. In addition, the question of the element of coercion in the structure of this measure is raised, and the difficulties of its application are indicated, taking into account the existence in criminal law of rules on the insignificance of the act. It is proposed to remove warning from the list of compulsory measures of educational influence. Based on the analysis of the practice of implementing the obligation to make amends for the harm caused, it is concluded that the coercive element in the structure of this measure is conditional in cases when compensation is paid not by minors themselves, but by their parents. In this part, the measure in question seems ineffective. When considering the provisions governing the transfer of a minor to the surveillance of parents or other persons replacing them, attention is drawn to the absence of the types and limits of surveillance and control clearly defined in the law. In addition, it is concluded that there is a conflict that arises between the rules of criminal procedure law, which provides for negative consequences from failure to comply with the measure imposed on minors, and the provisions of criminal law, according to which the duties are imposed not on the minor, but on third parties. In the light of judicial statistics showing that it is extremely rare for minors to be sentenced to imprisonment for crimes of moderate gravity, the relevance of the provisions of the criminal law providing for the possibility of placing minors who have committed crimes in this category in a special educational facility of a closed type is questioned.

REFERENCES

1. Ministry of Internal Affairs of Russia. (2019) *Sostoyanie prestupnosti v Rossii* [The state of crime in Russia]. [Online] Available from: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/folder/101762> (Accessed: 04.02.2019).
2. Russian Federation. (2012) *Natsional'naya strategiya deystviy v interesakh detey na 2012–2017 gody*: utv. ukazom Prezidenta RF ot 01.06.2012 № 761 [National Strategy for Action for Children for 2012–2017: Approved by decree of the President of the Russian Federation of 01.06.2012 No. 761]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 23. Art. 2994.
3. Consultant.ru. (2018) *On the fundamentals of the system for the prevention of neglect and juvenile delinquency: Federal Law of 24.06.1999 No. 120-FZ [adopted by the State Duma on 21.05.1999] (as of 27.06.2018)*. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/>. (In Russian).
4. Mel'nikova, E.B. (2001) *Yuvenal'naya yustitsiya. Problemy ugolovnogo prava, ugolovnogo protsessa i kriminologii* [Juvenile justice. Problems of criminal law, criminal procedure and criminology]. Moscow: Delo.
5. Shestakova, L.A. (2016) *Realizatsiya kontseptsii yuvenal'noy yustitsii v proizvodstve po delam nesovershennoletnikh v Rossiyskoy Federatsii* [Implementation of the concept of juvenile justice in juvenile proceedings in the Russian Federation]. Moscow: YurLitinform.
6. Meleshko, N.P. (ed.) (2006) *Yuvenal'naya yustitsiya v Rossiyskoy Federatsii: kriminologicheskie problemy razvitiya* [Juvenile justice in the Russian Federation: Criminological problems of development]. St. Petersburg: Yuridicheskiy tsentr Press.
7. Truntsevskiy, Yu.V. (2015) *Ponyatie, sodержание i vidy mer ugolovno-pravovogo i administrativnogo vozdeystviya* [The concept, content and types of criminal-law and administrative measures]. *Administrativnoe i munitsipal'noe pravo – Administrative and Municipal Law*. 6. pp. 554–562.
8. Biktimerov, E.L. (2009) *Inye mery ugolovno-pravovogo kharaktera i ikh rol' v osushchestvlenii zadach ugolovnogo prava Rossii* [Other measures of a criminal-legal nature and their role in the implementation of the tasks of the criminal law of Russia]. Law Cand. Diss. Saratov.
9. *Rossiyskaya gazeta*. (2016) *Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 29.11.2016 № 56 "O vnesenii izmeneniy v nekotorye postanovleniya Plenuma Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii po voprosam sovershenstvovaniya osnovaniy i poryadka osvobodzheniya ot ugolovnoy otvetstvennosti"* [Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of November 29, 2016, No. 56 "On amendments to some decisions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation on improving the grounds and procedure for exemption from criminal liability"]. 7 December.
10. Burlaka, S.A. (2010) *Prinuditel'nye mery vospitatel'nogo vozdeystviya v sisteme mer preduprezhdeniya prestupleniy nesovershennoletnikh* [Forced measures of educational influence in the system of measures for juvenile delinquency prevention]. *Vestnik Belgorodskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii – Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia*. 1. pp. 27–31.
11. Erofeeva, V.A. (2018) *Prismotr za nesovershennoletnim podozrevaemym, obvinyaemym v ugolovnom sudoproizvodstve* [Supervision over a minor suspect accused in criminal proceedings]. Law Cand. Diss. Moscow.
12. Bakhvalova, L.A. (2012) *Aktual'nye problemy effektivnosti sistemy mer ugolovno-pravovogo vozdeystviya, primenyaemykh v otnoshenii nesovershennoletnikh* [Current problems of the effectiveness of the system of measures of criminal law applied to minors]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Pravo – Herald of Omsk University. Series: Law*. 2. pp. 245–253.

13. Blagov, E.V. (2017) Ob osvobozhdenii ot ugovnoy otvetstvennosti nesovershennoletnikh s primeneniem prinuditel'nykh mer vospitatel'nogo vozdeystviya [On the exemption from criminal liability of minors with the use of compulsory measures of educational influence]. *Yuridicheskaya nauka*. 4. pp. 127–132.
14. Terent'eva, V.A. & Chernenko, T.G. (2017) Release of juveniles from criminal punishment according to Art. 92 of the Criminal Code of the Russian Federation. *Probely v rossiyskom zakonodatel'stve – Gaps in Russian Legislation*. 2. pp. 118–120. (In Russian).
15. Koryagina, S.A. (2014) Practice of application of compulsory measures of educational influence (based on Irkutsk region materials). *Kriminologicheskii zhurnal Baykal'skogo natsional'nogo universiteta ekonomiki i prava – Criminology Journal of Baikal National University of Economics and Law*. 1. pp. 93–97. (In Russian).
16. Seredin, A.A. (2005) *Prinuditel'nye mery vospitatel'nogo vozdeystviya, primenyaemye k nesovershennoletnim pri osvobozhdenii ot ugovnoy otvetstvennosti* [Coercive measures of educational influence applied to minors upon exemption from criminal liability]. Law Cand. Diss. Moscow.
17. Belyaeva, L.I. (2008) Mezhdunarodnye standarty v oblasti pravosudiya v otnoshenii nesovershennoletnikh i yuvenal'naya yustitsiya v Rossii [International standards in the field of juvenile justice and juvenile justice in Russia]. *Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie*. 4. pp. 38–44.
18. Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation. (2019) *Otchet ob osuzhdennykh, sovershivshikh prestupleniya v nesovershennoletnem vozraste, za 12 mesyatsev 2019 goda* [Report on convicts who committed crimes as a minor, for 12 months of 2019]. [Online] Available from: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4572> (Accessed: 05.07.2020).
19. *Rossiyskaya gazeta*. (2011) Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 01.02.2011 № 1 “O sudebnoy praktike primeneniya zakonodatel'stva, reglamentiruyushchego osobennosti ugovnoy otvetstvennosti i nakazaniya nesovershennoletnikh” [Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 01.02.2011 No. 1 “On judicial practice of the application of legislation governing the peculiarities of criminal liability and punishment of minors”]. 11 February.
20. Rabets, A.M. (2018) *Yuvenal'noe pravo Rossiyskoy Federatsii* [Juvenile law of the Russian Federation]. Moscow: Yurayt.

Received: 13 July 2020